
ПРЯХА
ЗАКОН РАВНОВЕСИЯ
АЛЛА ТИТОВА

Игрушки Белобога

Алла Титова

Пряха. Закон Равновесия

«Автор»
2025

Титова А. Е.

Пряха. Закон Равновесия / А. Е. Титова — «Автор», 2025 — (Игрушки Белобога)

Милолика видит нити судьбы, но мало что в этом понимает. Чтобы спасти одного, она невольно отняла жизнь у другого. Нарушив Закон Равновесия, она в долгу у самой жизни. Спасение приходит с тёмной стороны: ведающая Яра Вольная, чья магия поднимается из самой Нави, предлагает путь. Милолика сломлена чередой предательств, Яра - чередой потерь. Начинается игра с огнём, где платой за избавление может стать дар или всё, ради чего были жертвы. Выбора нет — Милолике придётся заплатить, а Яре снова быть сильной. Только так Милолика сможет найти покой и любовь, а Яра — вернуть Светозара из самой Нави.

© Титова А. Е., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Вместо предисловия 5
Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 24
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Алла Титова
Пряха. Закон Равновесия

Вместо предисловия

В один из дней Белобог, от скуки прогуливаясь по земле, увидел богиню Морану, жену своего родного брата Чернобога. До того соблазнительной и пленительной была холодная красота богини, что овладела Белобогом любовь неземная, всепоглощающая.

Терзаемый сомнениями, чувством вины и горечью безответных чувств обратился Белобог к брату своему с надеждой, в поисках понимания. Признался он брату родному в чувствах к супружнице его, просил уничтожить любовь в своей душе. Морана же, восседавшая у трона супруга своего, не проронила ни слова. Лишь тень скользнула по ее ледяным чертам лица, а в глазах, холодных как зимнее озеро, мелькнуло презрение к слабости Белобога.

Не оценил Чернобог искренности брата, ревность обуяла его, застилая глаза слепым маревом. Обнажил свой черный меч Чернобог и поднял против брата родного. Обнажил свой золотой меч Белобог, ибо не было другого спасения.

Золотой клинок Белобога, пламенем жизни горящий, встретил ледяное лезвие Чернобога, вобравшее в себя весь мрак Нави. От ярости их ударов, от самой сути Света и Тьмы, искрами сыпал металл. Искры золотые, как утренняя заря, падали на землю – и где касались они камня, дерева или человека, там рождались руны света, дар прозрения и сила исцеления. Искры черные, как беззвездная полночь, проникали в тени и глубины – и где касались они земли, воды и людей, там пробуждались чары иллюзий, шепот предсказаний бед и власть над хладом смерти. Так, невольным плодом их ярости дарована была смертным магия – светлая и темная, как сами боги-близнецы, как две стороны единого мира.

Морана наблюдала за схваткой братьев с каменным безразличием, лишь легкий ветер, рожденный ударами их мечей, волновал ее черные косы. Казалось, эта битва за ее честь была ей столь же чужда, как летнее солнце.

Великим был этот бой, но равными были силы братьев родных. И тогда разошлись они, каждый при своем убеждении. Белобог ушел, опечаленный безответными чувствами и непониманием брата. Никогда больше любовь не касалась его божественного сердца.

Когда бой утих, Морана взглянула вниз – на мир людей. И увидела она, как новые искры – и светлые, и темные – вспыхивают в руках смертных. Но не благоговение и осторожность вызывали в них эти дары, а жадность, суету и тщеславие. Магию тратили на пустое: зрелища, мелкие обиды и сиюминутную выгоду, разменивая великий дар богов на медяки. И тогда даже сердце Мораны, холодное как вечная зима, сжалось от горького предчувствия. Так бездумно растраченная сила грозила нарушить хрупкое равновесие мира, что держалось на вечном противоборстве и единстве Света и Тьмы.

В раздумьях пальцы богини коснулись холодного металла у ее пояса – серебряной монеты, принесенной в жертву кем-то из смертных. Монета лежала на ладони, безмолвная и совершенная в своей простоте. «Все имеет свою цену… – прошептала Морана, и в глазах ее вспыхнул ледяной огонь. – И за могущество должно платить. Не медяком и не золотом, а частью себя. Равновесие будет восстановлено».

С тех пор любой, даже не обладающий изначальным даром, знает это правило, вбитое в саму ткань мироздания: за любое действие, великое или малое, придется заплатить.

Монета Мораны стала вечным символом этой неумолимой сделки.

Пролог

Стояла середина жаркого и душного лета, от которого трескалась земля и липла к спине рубаха. Солнце было беспощадным, воздух над полями колыхался, как над костром. Полуденное пекло спало к вечеру, и на улицы Вехорцев высыпали жители, чтобы с облегчением вдохнуть свежий вечерний воздух.

– Эй, малышня! Не суйтесь в стойло! – в который раз сурово пригрозила пальцем Мария. – Не пугайте жеребенка! Не то лягнет мамка, нарветесь же! Беда будет! – И себе под нос добавила: " Что за дети пошли… Совсем не слушают."

Ребятишек это останавливало, но ненадолго.

– Чует сердце мое, пора разгонять, зашибет кого-то кобылица, горя не оберемся, – беспокоилась соседка.

Много детей сегодня толпились во дворе медоваров[1]. Лошадь торговцев только сегодня благополучно разродилась крупным здоровым жеребенком с белой звездочкой на лбу. Весть разнеслась по Вехорцам быстрее ветра, и детишки со всей деревни прибежали посмотреть на «маленькую лошадку». Искра, давно привыкшая к людям, и внимания не обращала на ликующих детей. Она лениво размахивала хвостом, отгоняя докучливых мух. А вот новорожденный жеребенок вел себя беспокойно. Он еще неуверенно стоял на ногах, терся о ноги матери, жался к ней.

Дети помладше с любопытством заглядывали в стойло, пытались совать туда яблоки и морковь, чтобы угостить лошаденка.

– На, бери! Сладкое! – наперебой кричали они.

– Он не берет! – раздался разочарованный возглас.

Дети постарше с умным выражением на лицах наставляли, дескать, жеребенок после рождения сосет молоко у матери и только осенью, а то и к зиме, начнет понемногу брать другой корм.

Бабки Мария и Катерина наблюдали за происходящим, лузгая семечки во дворе.

– Да брось, пусть детвора посмотрит. Там жерди крепкие. Че думаешь, Машка, как назвать жеребца? Смотри, какой крупный и статный, ноги уже высокие, – спросила и деловито добавила Катерина, отплевывая шелуху.

– Да не знаю, Катька, – отмахнулась Мария. – Что не упомню, так у кого-то уже такой стоит. Много лошадей нынче стало, а сена в зиму готовят мало. На что надеются? Что кони снег есть станут?

По вечерам у забора, под раскидистой яблоней, собирались две соседки: Мария и Катерина, мать медоварки Карины. Их скрипучая лавка стояла в стороне – одним концом выходя на межу[2], другим на улицу. Отсюда, как на ладони, были видны и дворы с внуками, и вся деревенская жизнь. А уж собрать свежие сплетни для этих хитрых бабок было делом привычным.

– Не надо имя выбирать, баба Катя, – тихонько дернула за рукав внучка Милолика.

– Чей-то? – удивленная бабка развернулась к маленькой девчушке всем телом, округлив глаза от неожиданности.

Милолика кротко опустила глубокие голубые глаза и примостилась рядом с бабкой. Девочка перешла почти на шепот:

– Не проживет он долго, ба. И до конца лета не дотянет.

– Да с чего ты решила, не пойму? Блажь какая! – нахмурилась Катерина. – Здоровый вполне коненыш: одна голова, один хвост, четыре ноги. Ест хорошо. Че ему станется?

---

[1] Медовары – мастера готовить напитки, варенье и сладости на меду.

[2] Межа – границы двора, примыкающие к соседским дворам.

Бабки непонимающе переглянулись.

– Ну и выдумщица растет, – покачала головой Катерина.

Мария пожала плечами, мол, ребенок, придумала себе что-то, чего с девчушки взять. Катерина уже раскрыла рот, чтобы предложить кличку, которая только что пришла ей на ум, как Милолика снова тихонько заговорила:

– Я не знаю, ба, но у него ниточка совсем короткая… Малюсенькая такая…

Она указала хрупким пальчиком в сторону стойла, где жеребенок, будто почувствовав ее взгляд, жалобно забил копытцем по земле.

– А? Какая ниточка? Не понимаю тебя, дитятко. О чем ты?

– Ну, беленькая такая. Ниточка. Она короткая у всех, кого скоро не станет.

– Ой, ну о чем ты мелешь, Милка! Какие нитки? – раздраженно махнула рукой на девочку Катерина и закатила глаза. – Что не придумаешь, чушь собачья…

– Такие нитки! Беленькие! – обиженно прикрикнула девчушка, вскочила с лавки и побежала через двор к дому. Только соломенного цвета косички с голубыми лентами взволнованно метались по хрупкой спине. На полпути к крыльцу, у груды дров, Милолика остановилась и обернулась на бабок. Она упрямо топнула ножкой, и ее глаза, наполненные слезами обиды, сверкнули белым. Девочка дернула головку назад и побежала к дому.

Соседка Мария, которая смотрела Милолике вслед, заморгала и потерла глаза.

Наступило молчание, нарушаемое лишь тихим фырканьем жеребенка.

– Ох и норов! И достанется какому-то жениху же! – Катерина со вздохом вернулась к лузганью семечек.

– Знаешь, соседка, – тихо, сдавленным от тревоги голосом отозвалась Мария, так и не отрывая взгляда от крыльца, куда скрылась девочка, – кажись, у вас родилась пряха.

Глава 1

Майское солнце миновало полдень. Земля была щедро залита его, почти летним, теплом. Воздух был свежим, прозрачным и неподвижным. Только легчайшее дуновение теплого весеннего ветра шевелило листья на березах. Яркая зеленая трава пестрила одуванчиками, над цветущей черемухой гудели шмели. Небо было безмятежно – ни облачка.

Карина ввалилась в избу, держась за живот. Под сердцем она носила дитя, и, очевидно, настало время разрешения от бремени. Она тяжело и глубоко дышала, лицо кривилось от боли.

– Милка! Мила!!! – голос Карины звучал властно и требовательно. Молниеносного ответа не последовало. – Где тебя носит, паучиха недоделанная?!

Из комнаты выскочила Милолика, совсем уже взрослая. Стройная, с тонкими чертами лица, с длинной светлой косой. Деревенские за спиной называли ее «Княжна» за аристократическую красоту. Уже девятнадцатая весна, а все в девках, с матерью да младшими нянчится. Легко освоила медоварение, да не любо оно ей было, потому матери помогала из-под палки.

– Ну, прости ма, там ниточку зажать нужно было, я не могла бросить.

Милолика виновато захлопала огромными голубыми глазами. Невинное личико, которое смягчало любого. Любого, кроме ее матери.

Карина ойкала и пыхтела, шумно выдыхая носом и хватаясь руками то за шкаф с посудой, то за край стола.

– Ма, мамочка, ты что… Да? – по губам Милолики разлилась блаженная улыбка, будто это она сама готовилась стать матерью. Глаза засияли, зрачки расширились. Она вся подалась вперед в ожидании чуда рождения новой жизни.

– Боги всемогущие! – закатила глаза Карина, подперев руками спину. – Взрослая девка уже! Где младшие? Гони прочь из дому, на улице хорошо, тепло очень. Сама давай сюда. Поможешь, и тебе наука будет.

И, выдержав паузу, добавила в пустоту:

– Хотя, если так и будешь у прялки с утра до ночи сидеть, разве что ветром от кого надует…

Возможно, она добавила бы что-то еще, но живот свело так сильно, что у Карины перехватило дыхание.

Милка уже вовсю хлопотала вокруг матери.

– Младших нет, я их по соседям развела утром еще, – кричала снующая туда-сюда Милолика. – На всякий случай, до завтра! Баня готова, простыней и воды я нанесла, соломы настелила. Вот тебе горячая малина, идем! – Она решительно сунула матери кружку с ароматным горячим чаем. Подхватила роженицу под руки и направила к двери. На выходе схватила кувшин с молоком и широкий гребень.

– Откуда вдруг такие познания? – Карина подозрительно прищурилась, глядя на дочь.

– Не волнуйся, ма, я у повитухи все выспросила.

– Милка, – серьезно сказала Карина, – она даром в руку не плюнет. А у нас лишнего медяка нет. Ты что ей отнесла?

– Обрядник [3] с жар-птицами. Я его закончила. Его и отнесла. Взамен она мне все показала, рассказала.

– Ой, дура ты, Милка, за такой обрядник она должна была сама прийти!

Но Милолика, давно привыкшая к характеру своей сварливой матери, лишь улыбнулась в ответ и мягко подтолкнула ее к выходу на крыльцо.

На крыльце Милка вылила молоко со словами:

---

[3] Обрядник – полотенце со сложной, очень красивой вышивкой для ритуалов.

– Как молоко бежит, так и дитятко спешит!

– Ой, – округлила глаза Карина, – Милка, вода потекла…

На юбках Карины отчетливо проступило большое мокрое пятно, которое продолжало шириться.

– Идем, идем! – Милолика без остановок повела мать в баню.

В бане стоял густой, но не обжигающий, а приятный пар. Пахло ромашкой и чабрецом. Мила ловко развязала все узлы на одежде матери, расплела ее посеребренную черную косу, стащила верхнюю одежду и юбки, чтобы освободить ребенку путь. Так ее научила повитуха.

Карина встала на колени, обхватив руками лавку.

Мила взяла березовый веник, плеснула через него ароматной травяной воды на камни.

– Как вода сквозь березу течет, так дитя из утробы выйдет! – Она повернулась к матери. – Ма, давай, все будет хорошо!

Карина и сама понимала, что нужно делать. Как-никак четвертый раз уже. Но ранее всегда с ней была повитуха. И муж, который был рядом, пока его не начинали гнать взашей. А сейчас она чувствовала себя как никогда уязвимой и молила всех известных ей богов, чтобы разрешиться без крови и горячки и не оставить детей сиротами.

Потуги шли как нужно. Дитя быстро вышло, за ним – послед. Крови было немного.

Милолика подхватила ребеночка. Мальчик. Одним движением ножа, как учила повитуха, Мила перерезала пуповину на ломте хлеба, чтобы рос в достатке. Омыла в воде с молоком, медом и крапивой от голода, болезней и сглаза. Обернула новорожденного брата чистой простыней и отдала в руки матери. Сама же обтерла мать, туго перевязала ей живот поясом, как сказала повитуха, чтобы внутренности встали на место.

Карина взглянула на сына. Мальчик был крупным, на вид совершенно здоровым. Тут же с удовольствием начал есть. Ее взгляд скользнул по его крепким ручонкам, по жадно сосущему ротику, и она мысленно прикинула, сколько молока и материнских сил потребует этот младенец. Она тяжело вздохнула.

Милолика сверкнула белыми глазами.

– Все будет хорошо, ма! – она по-детски всплеснула руками и умильно заулыбалась. – Крепкий здоровый малыш.

– Ладно, идем в дом, – устало пробормотала Карина.

– Идем, – весело звонким голоском отозвалась Милолика. – Я позже все уберу и послед закопаю.

– Милка, – вдруг остановилась на полпути к крыльцу Карина и серьезно посмотрела на дочь, – бросай свою прялку. Не хочешь мед варить, иди в повитухи. Это твое.

– Ой, ну ма, – девушка залилась звонким смехом. – Тебе лишь бы не прялка!

– А что? Это ничего, что молодая. Много узнать успеешь! Посмотри на нашу повитуху. Голодное тяжелое время, а она как вареник в масле катается! Потому что какое бы время ни было, а родят женщины всегда. Подумай хорошо!

– Идем в дом, ма, застудишь, – Милка кивнула на младенца, и они потихоньку пошли домой.

Дома Милолика уложила мать на чистые простыни, чтобы та отдохнула. Взяла на руки маленького, покачала, посюсюкалась с ним.

– Иди, дочка, баню смой, солому убери, иначе потом тебе же тяжело убираться будет.

Милка поставила рядом с матерью воду, яблоки, хлеб, мед, кружку теплого чаю из трав. И пошла убираться в бане.

Уборка потребовала времени. Девушка тщательно смыла все с пола и лавки. Застирала простыни, пропарила баню. Потом закопала послед под деревом во дворе, как наставляла повитуха. Миле показалось странным, что за все время, пока она копала во дворе, младенец ни разу не заплакал. Но она и не прислушивалась, наверняка пропустила.

Вернувшись в дом, Милке хотелось одного – самой сходить в баню и переодеться в чистое. От нее несло потом и землей. Хорошо, что младшие у соседей, до утра можно отдохнуть, день выдался тяжелым.

Но прежде, чем идти мыться, девушка не удержалась и решила заглянуть к матери. «Одним глазком, пусть спят!» – подумала она и босиком тихо-тихо зашла в комнату. Приоткрыв дверь, Милолика впервые в своей жизни испытала леденящий душу и тело ужас.

Мать сидела на кровати, устало вытирая пот со лба. Простыня под ней была в кровавой мазне, вставать ей было еще рано. Младенец лежал рядом, распластанный, его живот был неподвижен. У ног Карины стояло ведро с водой.

Милолика застыла в немом оцепенении. Она хотела что-то сказать, но голос не шел. Ее рот беззвучно открывался и закрывался, как у выброшенной на берег рыбки.

«*Ведро… Зачем ведро… Она же… Она же не…*» – пронеслось в ошалевшей голове.

– Ма… Мама?

Кровь отхлынула от лица, от ладоней, от ступней. Вся Мила сделалась белее и холоднее снега. В ужасе она попятилась назад.

– Ой, ну дыши, дыши, – устало бросила в сторону дочери Карина.

– Мама, мамочка, что же ты наделала… – лепетала Милолика. Слезы потекли по ее белым похолодевшим щекам. Губы тряслись. Она касалась дрожащими руками лица, как будто хотела закрыться и не видеть всего этого.

– Даже объяснять не хочу. Тебе только с прялкой играть охота, а мне кормить всю свору. Куда мне одной четвертый рот? Я тебе что? Мужик? Где я столько набатрачу? Я и так с утра до ночи над котлами да горшками торчу, а все равно не хватает. Когда отец твой был жив, вместе было легче, а теперь…

Она перевела взгляд на бездыханное тельце младенца и продолжила:

– Он даже не понял ничего. Я быстро и аккуратно.

– Ма… Я бы помогла, да ты что… Я же… Я продала бы…

– Да кому они нужны, тряпки твои! Сейчас время тяжелое, все выживают, как могут. Половину лошадей в деревне на похлебки порезали, а ты хочешь, чтобы люди за тряпки последние гроши отдавали?! – распалялась Карина.

Глаза Милолики стали белыми.

– Мамочка… Ты… Нитку его крепкую, длинную обрезала, и теперь она вокруг твоей закрутилась и узлов навязала… Беда будет, мамочка… Как ты могла…

– Да будет тебе! – мать разозлилась не на шутку. – Хватит мне эту блажь нести про нитки и узелочки! Ты бы лучше замуж вышла, сколько кормить тебя можно? Нешто не видишь, как мать тянется, пуп надрывает! А с муженьком и подмога была бы. Так нет же, сидит у матери на шее, кобыла! Вымахала с башню, так думаешь вниз плевать можно?!

Крики матери выдернули Милолику из объятий липкого ужаса. Она начала приходить в себя. Перестала плакать. Руки больше не тряслись, пальцы сжались в кулаки.

– Я… расскажу… – впервые в жизни в голосе Милолики зазвенел металл.

– Че-е-е? – что есть силы заорала мать в приступе ярости. – Я те ща расскажу!

Голос Карины надломился и перешел на визг. Ослепленная злобой она подскочила с кровати. Низ живота отозвался резкой пронзительной болью, но обезумевшая женщина даже не поморщилась. В один прыжок она очутилась перед Милоликой лицом к лицу. Глаза в глаза. Обычно кроткая Милолика не шелохнулась. Не отвернулась. Не опустила взгляд. Она смотрела в глаза матери, как смотрят в глаза волчице, зашедшей во двор.

– А ну-ка, повтори, – прошипела Карина.

– Я расскажу, – на этот раз тише, но спокойно и уверенно произнесла Милолика.

Мать привыкла видеть дочь совершенно другой, и подобная реакция заставила ее растеряться. Но ненадолго. Карина схватила Милолику за косу и рванула вниз с такой силой, что девушка вскрикнула от боли и упала на колени, обхватив руками волосы на голове.

– Ты не только будешь молчать об этом, ты еще и расскажешь всем то, что я тебе скажу, – шипела гадюкой мать. – И если ты посмеешь ляпнуть хоть слово лишнее, я тебя продам заезжим торговцам за всю… на три ночи! А поскольку ты чиста, я с них стребую втрое. Мне с младшими на всю следующую зиму денег хватит. А тебя выгоню со двора, на что мне потаскуха в доме? Ты меня поняла?!

Милка смотрела в глаза матери упрямо, непокорно. Она больше не плакала, не тряслась, не боялась. Что-то внутри нее затвердело, застыло и дало стержень спине.

– Ты. Меня. Поняла? – дергая дочь за косу, отчеканила каждое слово Карина.

– Поняла, – тихо проговорила Милолика, но глаза не опустила.

«*Ничего она не поняла. Подведет меня под топор!*» – подумала про себя Карина и выпустила из рук косу.

Глава 2

– Нужен розовый куст.

Милолика заговорила первой. Голос прозвучал чужим, плоским, без единой вибрации. Она все еще сидела на полу, вжавшись спиной в грубые доски стены. Лицо было каменным, а взгляд уперся в одну точку на полу, будто она пыталась прожечь в нем дыру, чтобы провалиться в тишину и небытие.

– Да где я тебе его возьму? Рожу, что ли? – зло бросила Карина. – Гробовщик в долг не даст.

– Я попрошу у соседей или у старосты. В такой просьбе никто не откажет.

– Ну, иди. Может, сгодится твоя улыбка на что-то. Иди. Я сейчас посижу немного и омою, запеленаю. Иди.

Мать замахала рукой в сторону двери. Другой рукой она подпирала ноющий правый бок.

На улице уже темнело. Милолика пошла по главной улице, мимо запертой на ночь кузницы и покосившихся изб дальнего конца. Соседи, мимо дворов которых проходила Мила, смотрели на ее застывшее лицо, на ее размеренную походку и сочувственно кивали ей вслед. Все в девушке говорило о том, что случилось что-то плохое, но спешить уже нет надобности.

Самые красивые розы с небольшими нежными бутонами, цвета утренней зори, росли только у старосты. Раньше Милолика постеснялась бы, но сейчас у нее даже сердечко не дрогнуло, когда она постучала в высокую калитку.

– Вечер добрый, Милолика! – вышел улыбающийся староста. – Слышал, слышал, что мамка твоя домой побежала днем. Уже можно поздравлять?

Когда он подошел ближе и рассмотрел в сумерках лицо Милы, то сразу осекся, прикусив язык.

– Может, помощь нужна? Случилось чего? – Староста наклонился, чтобы лучше разглядеть ее лицо в сумерках.

На глаза девушки навернулись слезы. Ей так захотелось упасть на колени, завыть, заголосить, рассказать всем, что сделала ее мать… Но она сдержалась. Сглотнула. Взяла себя в руки, сжала кулаки. И тихо, ровным голосом ответила:

– Нужен розовый куст.

Всеволод Мирославович тяжело вздохнул, поняв все без слов.

«Ах… Ой…» – послышалось отовсюду. Только сейчас Мила увидела, что все заборы вокруг «утыканы сочувствующими». Женщины участливо закудахтали, закачали головами.

Староста тоже покачал головой.

– Что ж… – он опустил глаза. – А как Карина?

Мила утвердительно кивнула, потупив взгляд. Потом решила, что нужно что-то сказать для пущей убедительности.

– Мальчик долго не появлялся и … не дышал, – девушка всё же выдавила из себя то, что наказала ей мать.

– Понятно… – тяжело вздохнул староста. – Знаешь, пойдем я помогу. Все же мужской руке копать привычнее. Погоди минутку.

«Ой… Ах…» – снова пронеслось вокруг. Теперь женщины одобрительно кивали, выражая одобрение старосте, мол, какой отзывчивый и порядочный человек, всегда готов помочь.

Милолика стояла как статуя, пока ждала старосту. Ей казалось, что все смотрят только на нее, ловят каждый ее вздох. Одно неосторожное движение, и паутина ее лжи исчезнет, как от огня, все узнают правду. Мать обходить десятой дорогой будут, а ей и младшим – позор на всю деревню.

Староста отделил часть розового куста. Взял добротную лопату на плечо.

– Лучина найдется? Темно уже, – обратился он к девушке.

– Да, – кивнула Мила.

– Идем.

Шли молча. Староста нарушил молчание:

– Мил, я понимаю, это непросто. Отец не так давно умер, а тут … Молодые девушки все принимают близко к сердцу, но это нормально, так природой задумано. Все переживется, у тебя брат есть, сестра, мать. Все будет хорошо.

Девушка все также молчала. В темноте не было видно, но Мила побелела как стена. Скрывать правду, которая еще горче, чем сама ложь, оказалось тяжело.

Притворные завывания Карины стало слышно издалека. Она подвывала, как побитая собака, рассказывая столпившимся во дворе соседкам, как тяжело ей было в родах, как она молилась, чтобы малыш начал дышать, но все оказалось напрасно. Верхом лицемерия и кощунства Милолика посчитала то, как мать расхваливала ее, как расторопную и смышленую повитуху, которую обучила наша деревенская повивальная. Карина настойчиво приглашала женщин обращаться к Милолике, обещая, что Милка недорого возьмет и все сделает как надо.

Женщины вздыхали, кивали головами и сочувственно обнимали Карину. Каждая старалась не просто поддержать, а чем-то помочь. И ни одна не пришла с пустыми руками. Все несли еду, напитки, травы для рожениц, мази. Все это соседки складывали на столик и лавку во дворе. Милолика видела, как Карина жадно осматривала «подарки», из-за чего к горлу девушки подступала тошнота.

Похоронили маленького во дворе, сверху посадили розовый куст. Карина сначала долго и показательно плакала, хватаясь за живот. Потом долго благодарила старосту, причитая:

– Если бы не вы, копать нам с Милкой до утра!..

Разошлись все ближе к середине ночи.

Милолика грустно взглянула на розовый куст. В ночной темноте он едва был различим. Могла ли она помешать произошедшему? Могла ли она предвидеть как поступит ее мать? Могла ли помешать ей? Мысли роились в голове, горечь и боль накатывали волнами, слезы душили горло.

Сегодня утром Милолика, увидев мать, сразу поняла, что что-то произойдет. Белая ниточка, вьющаяся от ее шеи, образовала завиток. Милка решила, что это к родам, и все утро готовилась. Только сейчас она поняла, что завитки – это не просто важные события, это ключевые повороты нити жизни. Чтобы усвоить этот урок, ей пришлось потерять новорожденного брата.

«*Завиток…* – пронеслось в голове, и мысли внезапно встали на свои места, холодные и острые, как лезвие. – *Мать сделала свой выбор. И я сделаю свой.*»

В это время Карина деловито разобрала все, что принесли соседки. Внутри все пело: столько добра, столько уважения! Никто ни о чем не догадался. По-другому нельзя. Никто не поймет.

– Ну, тут до середины мая хватит, а то и дольше, – удовлетворенно кивнула Карина. И, повысив голос, добавила: – А если отсадить от стола лентяек, которые только о себе и думают, и того больше!

Карина была уверена, что успеет убрать воду и притвориться спящей, пока дочь занята уборкой, но тело уже не слушалось, как в молодости. Карина не чувствовала той легкости после родов, какая бывала раньше. Движения были тяжелыми и отдавались ноющей болью в правый бок. Не успела она присесть и перевести дух, как вошла Милолика. Увидев дочь в дверном проеме, Карина решила, что кроткая, вечно стесняющаяся Милолика просто поистерит, на том и кончится. А вышло вон как. Взбунтовалась и перечит.

По правде сказать, Карина считала старшую дочь недалекой и в глубине души надеялась, что за красоту ее обрюхатит кто-то побогаче. А уж маменька за дочь заступилась бы, как полагается. Женился бы.

Но вот незадача – зимы тают, вёсны текут, а дочка дома сидит, гулять не ходит. Младшей двенадцать, так уже женихи набиваются, а эта сидит сиднем, одна прялка на уме.

Все это сильно тревожило Карину раньше, но вроде как отошло во вчерашний день. Теперь же, она ловила себя на мысли, что сожалеет о невозможности избавиться от старшей дочери так же легко, как от младенца. Страх, что упрямая Милолика пойдет поперек матери и всем расскажет о случившемся, не давал Карине покоя.

Резкий прострел в правый бок вырвал женщину из пелены размышлений. Она невольно ойкнула и потихоньку пошла в комнату. Милка уже спала на полатях[4], свободно заняв место в отсутствие младших.

*****

На следующий день староста, почтенный Всеволод Мирославович, объявил, что по всем признакам – дожди вернулись! Лето и осень снова будут урожайными, похоже, голод миновал. Староста велел всем плотно засаживать огороды и поля, ведь предстояло сделать много запасов. На лугах уже стояла высокая сочная трава, и староста поручил всем посильно поучаствовать в сборе сена для скота. Под одобрительное улюлюканье деревенских староста дал особое поручение Карине – наварить побольше медовухи до середины лета, поскольку в деревне будет целых три свадьбы! И в конце староста добавил, что через несколько дней в деревню приедут заезжие торговцы. Карина многозначительно зыркнула на Милолику, мол, гляди, держи язык за зубами! Мила спокойно посмотрела на нее и отвела глаза, без страха. Тревога Карины, как река, выходила из берегов.

Следующие несколько дней прошли для Милолики как в тумане. Она просыпалась, садилась за прялку, что-то пряла или вышивала, пока в глазах не начинало рябить. Уставшая, глубокой ночью она ложилась спать. Милка не могла точно сказать – ела ли она или пила. Будто у еды не было ни запаха, ни вкуса. Мать с младшими копошились по-своему, занимаясь обыкновенными повседневными делами, как будто ничего не произошло. Такое поведение Милолики было Карине на руку. Дочь была под присмотром, ни с кем не общалась и никому ничего не могла рассказать, поэтому мать ее сама не трогала и велела младшим не беспокоить.

Правый бок у Карины болел все меньше, и она постепенно возвращалась к работе. Скоро по округе пополз слух, что медоварка снова за делом. Первыми потянулись женщины: кто за медовыми сладостями, кто за вареньем. Уже пару раз приходили мужики за медовухой.

– Вот, Карина, удивляюсь тебе! – распиналась коровница Галка. – Я ж вроде тоже яблоки в меду делаю, но почему они у меня не такие?! Твои слаще, хрустят и с кислинкой, а мои просто сладкие и мягкие! В чем секрет?!

– Кто же тебе расскажет! – довольно улыбалась во весь рот Карина.

– Отменная медовуха, Карина! Вчера пил, сегодня голова ясная!

– Здоров будь, Нарадим! В охотку заходи еще! – Карина была приветлива, в хорошем настроении.

Она чувствовала, как сытая жизнь потихоньку возвращается. И только дурацкий розовый куст да старшая дочь все портили. Стоило им попасть матери на глаза, как она становилась чернее тучи. Если местные узнают что-то, ей не смыть с себя детоубийство до последнего вздоха.

Стала Карина в воду для роз подмешивать уксус, вроде ж кислота. Да невдомек ей было, что розам кислая земля на пользу идет.

*****

[4] Полати – лежанка, устроенная между печью и потолком. Очень теплое место, где обычно спали дети.

В одно прекрасное утро, едва небо занялось зарей, в деревню въехала яркая ряженная повозка. Изящная, на высоких, тонко спицованных колесах, окрашенных в ярко-красный цвет. От нее веяло запахом сладковатого мыла. Кузов, тоже ярко-красный, искусно расписан желтыми и синими цветами. Сверху кузов был покрыт плотной тканью в полоску – белую и синюю. По бокам закреплены откидные столики. С задка свешивались кувшины и корзины. Повозка была тяжелая, колеса просаживались и репели. Две гнедые лошадки с плетеными гривами размеренно ступали по центральной дороге. Деревенские собаки надрывали глотки вслед незнакомому запаху.

Прибывшая повозка встала у дома старосты. Всеволод Мирославович, несмотря на ранний час, приветливо улыбался. Он одобрительно осмотрел красивую яркую повозку. Предложил гостям еду и горячий чай, но те отказались. Староста распорядился торговцам стоять на месте сходбища[5] столько, сколько пожелают. Назначил плату за день торговли и пообещал после полудня прийти с дочерьми и супругой выбирать бусы, гребни и серьги.

По дворам разносилось:

– Вставай, Алена, торговцы приехали!

– Торговцы приехали! Сейчас всё получше разберут!

– Копать-хоронить! Ты опять пропил все, уродец причинный, даже на обмен нет ничего!

Торговцы только начали выставлять товары, а люд уже выныривал со дворов. Самыми нетерпеливыми оказались дети и молодые девушки. И, нужно сказать, посмотреть у торговцев было на что. Деревенские смотрели на откидывающиеся столики, разинув рты. И как только торговцы не боялись возить с собой столько добра!

Украшения из меди, золота и серебра с камнями и без камней. Дивной работы топоры, ножи, кинжалы. Шерсть, лен, кожа и меха разных животных. Соль, как простая для бытовых нужд, так и ароматная на подарки и в баню. Мыло поразительных цветов и запахов. Вино и пряности, сыры. А украшений из стеклянных бус было просто не счесть. А еще заговоренные свечи на любовь, очень много красителей, фарфоровых безделушек, свистулек и всякой мелочи.

Торговцев было трое, что было необычно для здешних мест. Как правило, торгаш был один, порою два. А тут целых три! Хотя понятно, столько охранять нужно.

Высокий зрелый мужчина с сильно выгоревшими на солнце волосами – Степан. Он любезно общался со всеми, был готов показать и подать любой товар, рассказать о нем что угодно, ответить на любой вопрос.

Невысокого роста молодой человек с ярко-рыжими волосами, заросший такой же рыжей бородой, похожий скорее на домового, чем на торговца – Темько. Он был на подхвате у Степана, всегда под рукой в нужный момент. Хозяйничал, следил за товарами.

Третий же был странным и загадочным. Он держался поодаль. В разговоры ни с кем особо не вступал. Несмотря на очень теплую погоду, на нем был короткий плащ с глубоким капюшоном из легкой, но плотной серой ткани. Из-под капюшона выглядывали длинные и черные, как смола, волосы. На поясе просматривались два кинжала: короткий и средний. Местные с опаской поглядывали на него. Ходила байка, будто среди торговцев есть один особенный, любитель плащей и кинжалов, который за большие деньги хоть ручного лешего достать готов. Так может и не байка вовсе?

*****

Нежа, младшая сестра Милолики, влетела в дом, как ошпаренная.

– Мама! Мама! – кричала Нежка, бегая по дому. – Там торговцы приехали! Там столько товаров! Мама, там есть бусы из стекла, пурпурные! Мама, пурпурные! Я с детства мечтаю о

[5] Место сходбища – место, где обычно проводились народные собрания. Аналог площади в центре современного города.

таких! Прошу, мама, пожалуйста! Мамочка! Я до конца лета стойло чистить буду, я мед варить помогу! Таких бус ни у кого в деревне нет. Ну, пожалуйста, мамочка!

– Нежа, да я бы, может, и купила, – замялась Карина, – только денег мало совсем наторговалось, а мне пряности очень нужны, иначе не заработаем больше…

– Мамочка, ну пожалуйста, ты только скажи, чем тебе помочь, я все сделаю! – в глазах Нежи стояли слезы.

Девочка не унималась, ползала по избе за собирающейся матерью на коленях, цепляясь ей за юбку, и достала Карину настолько, что та бросила:

– Вот поди у Богдана, жениха своего, так выпроси! Авось и купит!

– Нет! – резко отозвалась Милолика. Голос ее от недосыпа был хрипловатым. – Не пристало порядочной девушке у жениха выпрашивать. Идем. У меня есть, что предложить торговцам на обмен. Я думаю, на бусы хватит.

– Вот те раз! Ты гляди-ка, разошлась! Есть на обмен? Значит, пряности выменяй! А деньги я оставлю. Мне еще кормить вас всех! – всплеснула руками Карина.

Милолика только бросила на мать взгляд, полный злости, дернула Нежу за руку, подхватила стопку белых тканей и вышла из дому. Карина была в ярости.

«Ну, погоди, я тебе покажу, что бывает с теми, кто наперекор матери идет!» - вскипело в голове у Карины.

Женщина быстро вышла вслед за Милкой и Нежкой.

Она нагнала дочерей уже возле торговцев.

– Вот, вот эти! – Нежа тыкала пальчиком в крупные бусы из невероятной красоты пурпурного стекла. Внутри каждой бусины каким-то неведомым образом был заключен сверкающий золотистый песок. Не бусы, а настоящая диковинка!

– Да ты ополоумела?! – зашипела, не сдержавшись, Карина. – Такие побрякушки дороже самого золота! Вот замуж выйдешь, пусть тебе муж такие и покупает! Или у женихов своих иди проси!

– Она дочь нищей медоварки. Кто ее женихи? Если они все вместе сложат свое приданое… на бусы должно хватить… – вдруг ехидно отозвалась Милолика, что было совершенно ей не свойственно.

Карина побагровела от злости. Никогда прежде Мила не позволяла себе вот так перечить матери, да еще при младшей сестре.

– Добрый день! – обратилась Мила к Степану. – Не согласитесь ли вы посмотреть мои обрядники на обмен?

– Милка, не смущай людей! – шикнула Карина, но в ее голосе сквозила не уверенность, а паника. – Мы за пряностями пришли!

Но Милолика сделала вид, что не слышит, и развернула первый обрядник. Степан, уже готовый вежливо отказать, замер в замешательстве.

Ткань была ровной и плотной, а вышивка изящной и тонкой. Соловьи на веточках, как живые, будто вот-вот защебечут.

Мила открыла второй обрядник, на котором ивушка разбросала ветки. Третий был с ромашками в поле. Степан удивился:

– Поди, бабки твоей работа?

– Нет, моя, – скромно ответила Милолика, спрятав глаза.

– Эй, Чуров, а ну, иди сюда. Гляди, что девушка принесла!

«Чуров? Что за имя такое? Или это прозвище? Никогда не слышала» – подумала Милолика.

Загадочный торговец в плаще подошел к Степану. Он внимательно оглядел обрядники, провел по каждому изделию рукой, потрогал вышивку пальцами. Он прикасался очень нежно, аккуратно, как будто боялся спугнуть ниточки неосторожным движением.

– Какая интересная вышивка… Какая техника… Где ты этому научилась? – спросил Чуров, не отрывая глаз от обрядников.

– Дома, за прялкой, – пожала плечами Милолика.

– Интересно… Это все, что ты принесла на обмен? Есть еще? – спросил Чуров, осматривая уже саму Милолику.

– Все, что есть, – кротко ответила девушка.

Чуров взял Милу за левую руку. Его пальцы были удивительно теплыми, и это тепло странным образом противоречило его скрытному, холодному облику. Он осмотрел ее пальцы, усеянные проколами иглы. Казалось, он читал по ним, как по следам на песке, восстанавливая историю тысяч стежков. Его движения были аккуратными и легкими, но Мила все равно смутилась. От этого прикосновения по спине побежали мурашки – не от страха, а от осознания, что ее труд, ее боль и терпение кто-то видит и понимает.

– Да, это ее работа. Удивительно. Какая молодая, а такая мастерица. Это уже не просто мастерство… Это дар. Степан, ты должен хорошо заплатить этой девушке, чтобы у нее не было соблазна предложить такую красоту кому-то другому.

Карина, которая все это время стояла в стороне, вся превратилась в ухо и подслушивала разговор. Как только речь зашла об оплате, она тут же подошла ближе:

– Это моя дочь! И мы пришли, чтобы получить пряности!

– И бусы… ки… Бусики… – жутко стесняясь добавила Нежа. И тут же отбежала на несколько шагов.

Степан улыбнулся девочке и строго посмотрел на Карину. Потом повернулся к Милолике:

– Ну, милая, работа твоя, решать тебе!

Злость обуяла Карину настолько, что она готова была выпрыгнуть из юбки. Если бы она могла, из ее глаз посыпались бы огненные искры, а все вокруг запылало бы столбом пламени.

Милолика спиной чувствовала тяжелое и злое дыхание матери. На сегодня ей было этого достаточно. Она хотела показать Карине, что дальше вполне способна сама решать свою судьбу, что не будет слушать детоубийцу. А за «тряпки» отдадут не только медь, но и серебро. Она показала.

– Пряности, бусики, а если что-то останется – деньгами.

– Мудрое решение, – буднично кивнул он и подозвал Нежу выбирать бусы.

Мать отошла с Темьком выбирать пряности. Милолика осталась ждать их там, где стояла. Чуров, который все это время крутился рядом, снова подошел к ней.

– И как тебя, такую красивую, супруг в кармане не носит?

Мила хотела посмотреть в глаза Чурову, но все, что было выше носа, закрывал капюшон.

– А… погоди… – осекся торговец. – Нет никакого мужа, я угадал?

Его губы расплылись в улыбке. Он явно был доволен своей проницательностью. Мила стояла молча, все больше смущаясь прямолинейным вопросам. Она чувствовала, как к лицу начинает приливать кровь и ее щеки предательски краснеют.

Чуров сделал шаг вперед, и расстояние между ним и Милоликой стремительно сократилось, что дало ему возможность говорить гораздо тише:

– Красивая, рукодельница, думаю и хозяйка хорошая. Выглядишь неважно, но мне кажется, ты много работала последние дни. По норову не похожа на строптивую. Мать твоя сварливая баба, а ты – старшая, значит, скорее всего кроткая. И все-то в тебе ладно, но свою весну ты уже переросла. Что же с тобой не так, дорогуша?

Мила, не отводя глаз, смотрела на капюшон, туда, где должны были быть глаза торговца. Ей казалось, что она видит, как он оценивающе, с любопытством рассматривает ее. А Чуров, действительно, был поглощен загадкой одиночества красивой и кроткой девушки.

Их беседу прервал Степан:

– Вот, возьми, – он протянул девушке серебряные монеты. И негромко добавил: – То, что ты делаешь, в городе купят быстро. Я скоро приеду снова.

Карина, с лицом сытого кота, подошла к Миле. В руках она держала большой сверток, из которого приятно пахло пряностями и чем-то сладким. В нескольких шагах от них Нежу уже окружили подружки и завистливо разглядывали диковинные пурпурные бусы.

Когда Милолика с Кариной отошли от сходбища достаточно далеко, девушка обернулась. Чуров стоял в стороне от повозки и пристально смотрел им вслед. Миле почему-то захотелось пойти не домой, а свернуть в другую сторону. Как будто она не хотела, чтобы странный незнакомец видел, где она живет.

Вернувшись домой, Карина подхватила сверток и пошла в клеть[6], где варила мед. Милолика уселась обратно за прялку. Разговор с Чуровым никак не шел у нее из головы. «*Свою весну ты уже переросла*», – эхом отдавалось в ее голове.

С одной стороны, незнакомец был прав, и Милолика засиделась в девках. Но, с другой стороны, она замуж никогда и не стремилась. Она хотела бы встретить суженого – доброго, любящего, понимающего. Не такого, как ее склочная мать. Не такого, как ее подружки, с которыми она перестала гулять, потому что одни завидовали ее красоте, а другие высмеивали ее за «ниточки из шеи». Не такого, как соседки, которые косились на нее после того, как однажды в детстве она сверкнула при них глазами. Суженого, с которым она сможет быть собой. Днем она будет прясть и вышивать, он будет … (ковать? вырезать? охотиться? рубить? – да и важно ли!), а по вечерам они будут пить чай в своем красивом дворе, за которым Милка будет ухаживать. А по двору будут бегать их дети…

– На, поешь, ну что ты упрямишься, как в детстве! – Мать, резко поставившая на столик миску с горячей кашей, вырвала Милу из объятий собственных мыслей.

Мать смотрела на нее по-другому. Взгляд Карины не был полон ненависти, как утром. Эта миска с кашей были скорее подношением, чем заботой. Охочая до монет мать пришла мириться. «*Почуяла запах серебра*», – подумала Милолика, но виду не подала.

– Поем, – только и сказала Мила, не отрываясь от работы.

Карина задержалась, будто что-то обдумывая.

– Эти твои тряпки… – начала она сдавленно. – Можешь и дальше их менять. Только смотри… чтобы серебро в дом несла! А не побрякушки.

– Давай, пока горячее, – бросила Карина, выходя из комнаты.

Милолика случайно перевела взгляд на мать, и, сама того не желая, сверкнула глазами. На нити жизни матери образовался тугой завиток.

[6] Клеть – маленький, отдельно стоящий сруб на одну-две комнаты, где занимались ремеслами.

Глава 3

Милолика все еще сидела за прялкой. За окном уже было темно. Она отчаянно торопилась закончить то, что задумала, пока догорала свеча. Глаза уже слипались.

Внезапные звуки во дворе заставили девушку вздрогнуть всем телом. Кто-то пришел. Наверняка, кто-то из соседей. Долго была тишина.

Позже со двора донеслось:

– Нежа, Егорка! Идем, меня соседка на чай позвала! – голос Карины лился, журчал, словно лесной ручеек. Он был сладким и липким, и от этого в животе у Милолики похолодело. Так мать говорила с чужими, с теми, кого хотела уважить, но никогда – со своими.

«*Видимо, соседка рядом стоит*», – молча усмехнулась Мила.

– А куда идем, матушка? – лениво протянул младший брат, Егорка.

– К Аннушке-сыроварке. Поиграете с ее сорванцами, пока я с ней полялякаю.

Младшие быстро выскочили во двор.

«*Странно*, – подумала Милолика. – *Так поздно, на другой конец деревни, да еще и с младшими. И к Аннушке, с которой она знать не знается.*» Сердечко Милы забилось чаще, тревожные мысли мешали сосредоточиться на работе. Тишина казалась звенящей, Милке все казалось, будто что-то не так.

«*Похоже, я очень устала. Лягу сегодня пораньше. Завтра нужно сходить на реку, прогуляться. Солнце увидеть.*» – подумала девушка и, отложив нитки, потянулась за догорающей свечкой, которая уже начинала коптить и танцевать.

Дальше все происходило очень быстро.

Внезапно, одним резким рывком, окно в комнате настежь распахнулось. Влетевший порыв сквозняка мгновенно затушил свечу. В окно вскочила тень с горящими красными глазами, издавая лишь едва различимые шорохи. Милка замерла, пытаясь понять – это все ей кажется или действительно происходит. Крик съежился между ребрами. Разум подсказывал, что нужно бежать, но тело отказывалось.

В один прыжок тень метнулась Миле за спину. В лицо девушки ударил какой-то резкий, отвратительный запах. В следующее мгновение мягкая плотная ветошь, пропитанная таким же отвратительным смрадом, накрыла ее нос и рот. Спина оказалась прижата к чему-то твердому. Голова словно зажата в тисках. *Вдох.* Мила замахала перед собой руками. Попытка выдохнуть. Тряпка чуть ослабла. *Выдох.* Перед глазами все поплыло. Пол раскачивался, как лодка на речке. *Вдох.* Тряпка плотнее прижалась к лицу. Кажется, сейчас наконец она сможет закричать! Но из горла вырвалось какое-то невнятное мычание. Что это? Это ее голос? Попытка выдохнуть. Снова тряпка чуть ослабла. *Выдох.* Все вокруг скакало и плясало, перед глазами кружились цветастые пятна. *Вдох.* Тряпка сильнее прижимается к лицу. Руки и ноги не слушаются. Темнота накрывает Милу с головой. Ее глаза, сверкнув белым, безвольно закрываются. Тряпка падает с лица. Последнее, что увидела Милолика – два красных светящихся глаза в абсолютно черной темноте.

*****

Первое ощущение Милолики после тишины и темноты – толчки и гул. Сначала ей показалось, что ее ведут через толпу. Потом она поняла, что ее ноги не двигаются. Следующим пришло осознание, что не двигаются руки и не открываются глаза. Милолика поняла, что она никуда не идет. Она лежит. То ли в лодке, которую качают волны, то ли в повозке, которая едет по каменистой дороге. Ноги и руки у нее связаны, на глазах что-то намотано. А гул – это нестерпимо гудящая голова и звон в ушах. События накануне вспоминались обрывочно, вспышками. Комната, прялка, резкая вонь, тряпка у лица, тень с красными глазами… Стоп, этого, наверное, не было. В глазах все плясало, показалось…

– Нашу гостью мучает жажда и нужда, – донеслось до девушки. Она почувствовала остановку и услышала фырканье лошади. Значит, все-таки повозка.

Пить и облегчиться действительно хотелось. Мила почувствовала, как обмякли одеревеневшие ноги, а потом и руки. Повязку на глазах оставили. Она продолжала лежать неподвижно, скорее не от страха, а от замешательства. Выходит, что ее похитили из собственного дома, прямо из комнаты с прялкой. Кто и для чего? Девушка с трудом верила в происходящее и ничего не понимала.

Чья-то крепкая, но бережная рука сначала помогла ей сесть, затем встать. Тело слушалось плохо, но крадец[7] проявлял терпение, не торопил, дал возможность снова почувствовать руки и ноги.

Милолика ощутила ногами дорогу, потом траву, шорох веток кустов по одежде.

– Так, – строго сказал мужской голос, – вот так стой. Я сейчас отойду и крикну тебе. Присаживайся, справляй нужду, как встанешь, я сразу подойду. И смотри, я к тебе по-человечески, ты тоже давай, будь хорошей девочкой.

Мила кивнула. Для крадца мужчина и правда был вежлив и обходителен. Что только добавляло странности ситуации.

«Если бы он хотел меня убить, не водил бы в туалет. А чтобы надругаться, не похищают из собственной комнаты и не везут куда-то. Так зачем же я ему живая и чистая?» – рассуждала Мила.

Как только девушка выпрямилась во весь рост, та же крепкая рука повела ее в обратном направлении. Девушку усадили обратно в повозку.

– А ну-ка, правь лошадью, – произнес другой голос в стороне.

Кто-то забрался и уселся в повозке недалеко от нее. Несколько минут что-то делал, наливал воду, что-то мочил и отжимал. Девушка повернула лицо в сторону звуков и почувствовала, как ее глаза наполнились белым светом. Она испугалась, что крадец увидит ее сверкающие глаза сквозь повязку. Мила замерла, но все было спокойно.

Спустя некоторое время незнакомые пальцы размотали ее глаза.

Сначала солнечный день ослепил девушку, заставив крепко зажмуриться. Потом она стала потихоньку открывать глаза, но вынуждена была снова закрыть их из-за резкой боли. Глаза словно песком засыпало.

– Возьми и приложи к глазам, станет легче, – Мила почувствовала, как прохладная влажная ткань легла в ее ладонь.

Она послушно приложила примочку к глазам и, действительно, боль быстро отступила. Милолика постепенно открыла глаза и увидела перед собой самодовольную улыбку Чурова, верхнюю часть лица которого скрывал тот же плотный серый капюшон. Лошадью правил незнакомый ей мужчина.

«Чуров? Взгляда на него достаточно, чтобы понять: темные дела – его ремесло. Но при чем тут я? Неужели ему так понравилась моя работа? И что же теперь? Привяжет к прялке и посадит под замок?» – недоумевала Мила.

– Даже сейчас молчишь? – все также улыбаясь спросил у нее Чуров. Девушка находилась в замешательстве от происходящего и еще не вполне пришла в себя.

– Вот видишь, – он обратился к мужчине впереди, – я же тебе говорил, она – золото.

– Очень на это рассчитываю, – с усмешкой отозвался тот. – А то в кармане у меня осталась только медь!

Чуров снова посмотрел на Милолику. Она наконец решилась спросить, но закашлялась.

– Вот вода.

[7] Крадец – похититель.

Он плеснул ей в кружку воды. Мила залпом осушила ее и почувствовала себя лучше, даже мысли, кажется, стали яснее.

– Что меня ждет? – спросила она и сама удивилась, как ровно и спокойно прозвучал ее голос.

– Тебя ждет достойная жизнь в городе. Ты не будешь нуждаться, не будешь работать в полях и огородах. Ты выйдешь замуж за богатого господина, который даст тебе все, чего ты захочешь, и не будет тебя обижать. Поставит тебе лучшую прялку в городе! Если, конечно, ты не забросишь это дело. Но… ведь не сможешь же… – на последних словах он повернул лицо мимо Милы, будто бы смотрел теперь не на нее, а вдаль. Он вроде бы хотел что-то добавить, но осекся.

– Выходит, ты меня украл для богатого господина?

– Нет, что ты! – Чуров снова повернул лицо к ней. – Я тебя купил. Я заплатил за тебя деньги. Золото. Очень много золота.

Милолика побледнела. Выходит, что мать продала ее Чурову, забрала младших и ушла, дав ему возможность забрать «товар».

«Как удобно, – с горечью думала Милолика. – *Избавилась от старшей дочери, что сидела на шее. От той, что единственная знала правду о смерти младенца. Еще и получила за это деньги. Золотом.»*

– Расстроилась? – в голосе Чурова промелькнуло сочувствие. – Не стоит. Поверь, тебя ждет прекрасное будущее. Лучше, чем в Вехорцах. И, повторяю, тебя никто не будет обижать.

Вот в последнее Милолике верилось слабо. *«Зачем богатому городскому мужчине безродная деревенская девка?»*

Чуров подался чуть вперед, наклоняясь к Миле так, что она почувствовала запах корицы, исходивший от него. Он понизил голос почти до шепота.

– Давай будем честны, Лика. Любящая мать никогда не продаст свое дитя. Ни за какие деньги… Ни за жениха, ни за подруг. Ты была там лишней. В городе у тебя будет шанс найти свое место. Город вообще полон возможностей. А ты – умная девочка.

«Лика… Как непривычно прозвучало. Никто никогда так не называл с рождения. Интересно, это на городской манер?»

– Ладно. Ты отлежись, подремли, у тебя голова гудит, наверное. Нам еще долго ехать. – Чуров полез вперед к мужчине, правившем лошадью.

Милолика легла в повозке. Крытый верх серо-коричневого цвета, добротный крепко сбитый кузов, широкие колеса. На таких повозках возят скот. Мила вдруг почувствовала себя племенной кобылой, которую везут к маститому жеребцу.

«Эх, матушка. Грозилась ты меня продать торговцам на три ночи, а продала на всю жизнь. Неизвестно, что меня ждет дальше. Хоть бы нитку свою посмотреть, да свою не видно…»

*****

Путь складывался спокойно, размеренно. Утро перетекало в день, день – в вечер, вечер – в ночь.

Милолика старалась «быть хорошей девочкой», и в обмен на это она получала уважительное отношение, вкусную еду и напитки. Сами крадцы ели в основном сыр, хлеб и пили воду. Миле же доставалось мясо, изюм, щедро разбавленное вино, мед.

Чуров и во сне не расставался с капюшоном. А еще проявлял чудеса прозорливости и проницательности. Мог подать руку прежде, чем она споткнулась о корягу, или передать воду прежде, чем кто-то просил.

А самый яркий случай был, когда ехали через лес. Спящий Чуров внезапно вскакивает, хватает вожжи и останавливает повозку. Через несколько мгновений, дорогу перебегает чем-то испуганный огромный лось. Если бы он не остановил повозку, лось выскочил бы прямо на

лошадь. Она испугалась бы и, скорее всего, понесла. Повозка могла перевернуться или сломаться. Мила так и не поняла, как он сквозь сон увидел из повозки лося. А вот Присуха, кажется, совсем не удивился.

Делать в дороге было нечего. Она ела, спала и слушала занимательные байки из жизни Чурова и Присухи.

Присухой звали второго крадца. Как-то вечером он хлебнул вина, потому что не мог уснуть, и, захмелев, рассказал, как давно в юности он был сыном пекаря и полюбил Радомилу, дочь очень богатого меховщика. Она тоже отвечала ему взаимностью. Даже была готова оставить все родительские богатства ради жизни с возлюбленным. Ее отец и мать обсмеяли сватов, но сказали, что готовы отдать дочь за пекаря, если он накопит хотя бы на свадьбу. Присуха был унижен, но не сдался. Ради любимой он ступил на опасный путь торговца с черных троп. Весною он распрощался с возлюбленной и поклялся вернуться через год с деньгами. Год прошел быстро. Присухе на тайных тропах удалось заработать гораздо больше, чем его отцу в своей пекарне. Когда он счастливый вернулся домой, отец с горечью сообщил ему, что Радомила давно замужем и на сносях первенцем.

– И ты поверил? – тихо спросила Милолика.

Присуха нахмурился.

– А как тут не верить, когда из-за угла сначала живот выходит, потом она?

– Я про живот не спрашиваю. Ты у нее спрашивал, как так вышло? Хотела ли она замуж за другого?

Присуха лишь мрачно хмыкнул, отвел взгляд и продолжил свой рассказ.

Он был настолько ранен предательством девушки, что долго лежал больной. А когда встал на ноги, отдал все накопленное отцу, собрал скромные пожитки и ушел навсегда. С тех пор его дом – это повозка в поле.

Мила в нежную и романтичную историю о любви верила с трудом. Однажды, улучив удобный момент, когда на нее никто не смотрел, Милолика сверкнула глазами и на нити жизни Присухи, действительно, увидела где-то в начале крутой загиб, после которого нитка пошла в наклон. Но была ли это любовь – вопрос другой.

Не удержалась Милолика – и нитку Чурова тоже посмотрела. Нить была не белой, как у всех, а ярко-красной. И не ровной, с завитками или узелками, а вся закрученная и перекрученная. Девушка такое видела впервые.

К слову, повозка действительно принадлежала Присухе. А Мила была на ней всего лишь гостьей. Поэтому она молчаливо улыбалась, кивала и слушала. Правда, иногда пропуская большую часть рассказа мимо ушей.

«Нужно расспросить Чурова об этом богатом господине, – наконец решилась Милолика. – *Может, все не так ужасно. Хотя, что может быть хуже, чем быть под нелюбимым мужем? Хотя… Много чего может быть хуже.»*

Мила невольно тяжело вздохнула.

– Опять грустишь? – заметил ее задумчивое лицо Чуров, пока Присуха спал после ночи на вожжах[8].

– Расскажи мне о нем.

– Хм, – растянул губы Чуров. – А я уж гадал, почему не спрашиваешь? Думал, ты бежать готовишься.

– Куда? – искренне удивилась Мила. – В незнакомые поля? Я даже не знаю, где мы. Разумнее всего доехать с тобой до города.

Девушка рассмеялась, хоть мысль и запала ей в душу. *«Об этом стоит подумать…»*

– И то верно, – в ответ рассмеялся Чуров. – Что ты хочешь знать?

[8] Вожжи – часть упряжи, ремни или веревки, за которые управляют лошадью.

– Всё.

Чуров задумался. Помолчал немного и сказал:

– Если кратко. Радима из рода Световидовых я знаю давно. Он хороший человек…

– Хорошие люди не берут невест силой, – вставила Милолика.

Чуров помрачнел и снова помолчал, видимо, обдумывая, что лучше сказать.

– Лика, он никого не брал силой и не собирался делать этого. Радим дал мне пятьдесят золотых, как «выкуп» семье невесты, и поручил всем рассказать, что ищет невесту. Он просил привести девушку, которая сама изъявит согласие быть с ним.

«Пятьдесят золотых! Даже если моей матери он заплатил двадцать пять – это целое состояние! Теперь понятно…»

– Подожди, но… Ты же у меня ничего не спрашивал! – возмутилась Мила.

– Лика, Радим из богатого знатного рода. Замужество с ним – это сытая безбедная жизнь. Кроме того, он сам никогда не обидит свою жену и другим не позволит. Это тоже немалого стоит, – Чуров умолк. Он хотел, но не решался произнести вслух главное.

– Но я тогда не понимаю! Любая девушка согласится быть с ним! – голос Милы чуть дрогнул, она кожей чувствовала, что сейчас на нее рухнет правда.

– Он не может ходить, и у него не будет детей.

– Что…

Воздух в повозке стал густым, как кисель. Милолика судорожно глотнула, но в легкие будто налили свинца. В висках застучало, отмеряя удары ее сердца. Голос Милы окончательно оборвался. Она часто задышала, голова пошла кругом. В глазах девушки отразилось отчаяние, заполнившее ее душу.

«Боги, бездетный калека? За что? Почему? Всю жизнь выхаживать его, чтобы потом умереть в одиночестве и нищете, вышвырнутой его знатной родней?»

Слезы сдавили горло. Вдруг перестало хватать воздуха, чтобы дышать.

– Да погоди ты реветь, Лика. Все совсем не так! Тебе нужно увидеть, чтобы понять… О! Ведьмины ведра! Вставай, Присуха, корчма!

У дороги, на перекрестке двух лесных дорог, показалась корчма «Ведьмины Ведра» с яркой большой вывеской. По бокам от входа стояли две большие красные бочки, принаряженные под ведра. Рядом с конюшней дремали хмельные конюх и колесник.

Присуха потер глаза и сладко потянулся.

– Завтра будем в Сумерье, – зевая сказал он.

– Именно! – весело подхватил Чуров.

Задыхаясь от слез, Милолика зарылась в отрез ткани, под которым спала.

«Всеволод Мирославович часто говорил, что Боги жестоки, а мы лишь игрушки в их руках. Довольно! Со мной достаточно наигрались! Нужно доехать до города и просто раствориться в нем.»

Глава 4

– Лика, будет тебе рыдать, ты ничего не поняла. Идем, поедим нормально! – крикнул в повозку Чуров.

– Спасибо, – постаралась спрятать слезы Мила, – я не голодная.

– Лика, это придорожная корчма, тут полно бандитов и наемников. Попадаются и провинившиеся солдаты. Я не могу оставить тебя здесь одну.

«*Ну да, не то украдут твое золото, Чуров, как же ты это Радиму объяснишь?!*» – всхлипнула Мила.

Она утерла слезы, пригладила волосы на голове и вылезла из повозки.

Дверь корчмы скрипнула, впуская Присуху, Чурова, Милолику и порыв теплого майского ветра. Запах внутри стоял не самый приятный: прокисшее пиво, пережаренное сало, вонь пропотевших с дороги тел и давно не мытого деревянного пола. Стены украшала пара полок с запыленными пузатыми глиняными кувшинами и нелепая мазня, гордо окаймленная рамой.

Несмотря на солнечный яркий день, света внутри было немного. Посетителей, сидящих в дальних углах, было невозможно разглядеть. Но и тех, кто сидел в середине или ближе к окнам, было достаточно, чтобы Мила испуганно прижалась к боку Чурова.

Стойка хозяина была завалена грязными кружками. У горы кружек кучковалось трое бородатых мужчин в потертых кожаных жилетках. Один и вовсе одет был в жилетку на голое тело. За поясами у них были широкие ножи. Мужчины перешептывались и оценивающе осматривали всех входящих. При виде Милы их глаза жадно заблестели, но увидев Чурова, все трое отвернулись от нее.

– Чур! Коромысло мне по горбу! Я тебя давно ищу везде, есть разговор. – Из-за стола у стены встал высокий крепкий мужчина, одетый по-дорожному. Он быстрым шагом подошел к Чурову, они отошли в сторону и очень тихо перекинулись несколькими фразами.

«Чур. Так вот оно, прозвище. Стало быть Чуров – все же имя. Откуда ты, Чуров?» – рассуждала про себя Милолика.

Чуров быстро вернулся к Присухе и Миле.

– Идем, вон свободный стол. – Чуров провел своих спутников к столу в середине комнаты. Сам пошел к хозяину заказать еду.

Хозяин корчмы, толстый и лысый мужчина с глазами-щелочками, в несвежей одежде и перемазанном жиром фартуке, закивал Чуру. Они быстро поговорили, Чуров выложил несколько монет на стойку и вернулся за стол.

Настоящей неожиданностью для Милы стала ароматная и вкусная похлебка, с большими кусочками хорошо проваренного в пряностях мяса. Пар от похлебки пах лавровым листом и тмином, а кусок мяса, едва коснувшись языка, растаял, оставляя послевкусие дикого чеснока и перца. Это была первая по-настоящему горячая и сытная еда за последние дни, и от этого каждый глоток казался почти что волшебством посреди этого захолустья.

Каша была наваристой, с кусочками масла и ложечкой меда. В качестве питья Миле принесли кружку молока, Чурову – травяной чай, сильно пахнущий вишней, а Присухе – большую кружку вина. Вино было до того терпким, что Миле казалось, будто она захмелела от одного только запаха.

– Ты заслужил, друг! Наслаждайся! – Чуров хлопнул Присуху по плечу.

Крадец благодарно усмехнулся и отхлебнул из кружки:

– М-м-м, жизнь снова красочная! С тобой приятно иметь дело, Чур!

«Сейчас он выпьет эту кружку и мертвецки уснет. Вдруг мне повезет, и он проспит до самого города. Тогда мне нужно будет только обмануть Чурова, и путь свободен», – подумала Мила.

Они сытно поели. Присуха смаковал вино, Чуров – чай, а Милолике наскучило ее молоко.

Входная дверь снова скрипнула, и в корчму ввалились двое мужчин. Один был серьезно ранен и перевязан кровавыми тряпками. Второй валился с ног от усталости, но продолжал тащить на себе товарища. Присуха узнал кого-то из них и тут же подхватился помочь, прихватив с собой вино. Оставшись наедине с Чуровым, Мила набралась смелости спросить:

– Расскажи, откуда ты?

– Тебе зачем? – Чуров подозрительно посмотрел на девушку.

– Стало интересно. Имя у тебя необычное для здешних мест.

– С севера, – сказал, как отрезал, Чур, явно не намереваясь продолжать разговор.

– А я всегда думала, что Вехорцы находятся на севере. Моя бабка говорила, что наши степи считаются северными.

– Среди окрестных степей, возможно. Я родился на Севере Большой земли, там, где зима никогда не заканчивается.

– Вот это путь! Что заставило тебя его проделать? – Мила округлила глаза от удивления и тут же подумала о том, что таинственный торговец невестами не скажет ей правду.

– Люди, которые привезли меня сюда.

– Прозвучало так, будто привезли против воли… – Милолика понизила голос и опустила глаза.

– Прозвучало так, как прозвучало, – бросил Чуров. – Я же не выспрашиваю, почему ты в девках засиделась. Но об одном я бы все-таки спросил. Где твой отец?

– Он утонул. Прошлый год был особенно голодным, резали даже лошадей на мясо. В ноябре отец пошел с мужиками ловить рыбу. Речка вроде бы уже замерзла, а оказалось, что лед был очень тонким. Он провалился и не смог выбраться.

Чуров опустил голову, Милолика глубоко вздохнула.

– А в девках я засиделась, потому что не мечтала выйти за того, кто больше за меня заплатит. Я хотела мужа, который будет меня любить.

– Любовь – это роскошь, Лика. Мало кто может себе ее позволить. Нам пора. Присуха уже готов, – усмехнулся Чуров, кивая головой в сторону сладко дремлющего на соседнем столе друга.

Чур подхватил на плечо спящего Присуху, и вместе они направились к выходу. На улице смеркалось. Чуров возился с пьяным побратимом, который никак не хотел лезть в повозку. Мила стояла рядом. И внезапно ее озарила мысль:

«Это мой шанс! Присуха спит, Чуров занят Присухой. Они сказали, что завтра будем в городе, значит, город близко, можно дойти пешком! С одной стороны дороги – лес. Если я пойду за первыми деревьями, меня никто не увидит!»

Сердце затрепетало и забилось, как птица в силках. Шаг назад, второй, вот уже Мила за повозкой, обходит ее сзади. Вот уже настойчивый голос Чурова и пьяное бормотание Присухи отдаляются, остаются где-то за спиной. Почти получилось!

«Скорее в лес! За деревья!»

Милолика развернулась и рванула к деревьям с такой мощью, сколько было сил. Сумерки сгущались между стволами, превращая лес в лабиринт из черных силуэтов. Трава под ногами приглушала шаги, но собственное, сбитое бегом дыхание казалось Миле оглушительно громким. Ну вот! Еще немного!

Девушке казалось, что она все еще чувствует запах корицы. Она обернулась на мгновение, убедиться, что ее побег еще не заметили… И угодила прямо в чьи-то объятия.

– Оп-оп, ой-ой-ой! – сказал кто-то ей прямо в ухо.

Мила оттолкнулась, попятилась. Дело принимало еще более скверный оборот.

Трое грубых и неопрятных мужчин словно выросли из земли, встав с корточек из-за густого подлеска. Их тускло освещенные лица расплылись в подобие восторженного хищного оскала.

– Что за чудо! – хрипло выдохнул самый коренастый и широкоплечий. – Гляньте, братцы! Вечер-то какой удачный!

– Хороша, – присвистнул другой, тощий, с бегающими глазками, протягивая грязную руку к ее лицу. – Небось из той корчмы сбежала? От кого, интересно?

– Неважно, от кого, – рыкнул третий, самый рослый, перегораживая ей путь обратно. – Теперь наша. Разомнемся перед ночью.

Запах немытого тела, перегара и чего-то звериного ударил Миле в нос. Ужас сковал тело ледяными клещами. Она отшатнулась, но коренастый схватил ее за руку выше локтя, больно сжимая пальцами.

Шершавые в заусенцах пальцы впились в ее руку выше локтя так, что наутро обязательно останется синяк. Другой ладонью, липкой от чего-то, он притянул ее к себе.

– Пустите! – вырвалось хриплым шепотом. Милолика дернулась, но его хватка была железной.

– Ой, бойкая! – засмеялся тощий, пытаясь обхватить ее за талию. – Так даже лучше!

– Шевелись, не церемонься! Не один тут! – подбадривал рослый, развязывая пояс.

Мир сузился до этих троих грязных рож, до тянущихся к ней их рук, до всепоглощающего ужаса. Она зажмурилась, готовясь к худшему, молясь только о том, чтобы это поскорее кончилось.

Внезапно раздался короткий, сдавленный стон.

Рука, сжимающая ее локоть, ослабла. Мила открыла глаза. Коренастый бандит закачался, держась за бок. Из-под его пальцев сочилась темная струйка. Он смотрел не на нее, а куда-то в сторону, в сгущающиеся сумерки за спинами своих товарищей, на его лице застыл немой ужас.

Там, словно отделившись от самих сумерек, стояла Тень.

Высокая, невероятно быстрая. Два ярких пятна – горящие красные глаза – пылали в темноте под капюшоном. В каждой руке Тени сверкали лезвия: в правой – средний кинжал с прямой гардой, в левой – короткий, широкий, похожий на клык хищника. На правом клинке алела свежая кровь.

– Че… кто?! – прохрипел рослый, резко разворачиваясь.

– Боги! – взвизгнул тощий, отпрыгивая от Милы.

Но Тень уже двигалась. Не шагала – скользила, как дым. Короткий кинжал блеснул, и тощий вскрикнул, хватаясь за рассеченное предплечье. Рослый бросился вперед, вытащив дубину из кустов, но Тень ушла в сторону с неестественной пластикой. Средний кинжал чиркнул по бедру нападавшего, оставив глубокую кровоточащую царапину.

Ужас сковал их разом, отбив всю охоту. Звериный инстинкт победил.

– Да ну ее, мужики! Бежим! – завопил раненый в бок коренастый, уже пятясь к кустам.

– Вот леший! – заорал рослый и, хромая, кинулся в другую сторону.

Тощий, истекая кровью, метнулся следом за ними, не оглядываясь.

Через мгновение на опушке никого не было, кроме Милолики и Тени. Только тревожная тишина да запах крови, смешанный с запахом леса, ощущались в воздухе.

Тень повернулась к Миле. Глаза пылали холодным красным огнем, из-под капюшона выбивались черные длинные волосы. Тень медленно вложила кинжалы в ножны, скрытые под плащом, и шагнула вперед.

Мила узнала эту Тень. Эти горящие ярко-красным глаза. Эти быстрые и точные движения. Эту скрытую силу. Этот запах… корицы, смешанный теперь с железом крови.

«Чуров!»

Он подошел вплотную. Не говоря ни слова, он взял Милу за запястье. Хватка была ледяной и невероятно крепкой, словно стальной. В его красных горящих глазах не было ни гнева, ни упрека – лишь бездонная, пугающая пустота и обещание, что бегство больше не повторится. Никогда.

Глава 5

В одном Милолика была права: Присуха спал до утра, до самого прибытия в город.

А когда открыл глаза, был сильно удивлен увиденным. Мила, на которой не было лица, сидела со связанными ногами и руками, прикрытая тканью так, чтобы со стороны не было видно веревок. Ее глаза припухли от слез, губы были обкусаны. Веревки впивались в запястья и лодыжки, оставляя на коже красные, зудящие полосы.

Чуров держал вожжи. Его лицо, как всегда, скрывал капюшон, но по его нервным движениям было видно, что он порядком сердит.

– Эй, что я пропустил? – обратился он к девушке, но она лишь отвернула лицо в сторону.

– Чур! Какого лешего случилось?

Чур лишь отмахнулся рукой:

– А! Оставь! Потом расскажу.

– Чтоб вас обоих! Бранятся, только тешатся, – обиженно пробормотал Присуха, выпил залпом кружку воды и полез вперед к Чуру.

Повозка въезжала в Сумерье.

Несмотря на все свое отчаянье, связанные руки и ноги, Милолика невольно ахнула. Вехорцы казался теперь жалкой затхлой деревушкой, в сравнении с шумным и пестрым городом.

Сумерье кишело жизнью, как гигантский растревоженный муравейник. Улицы были широкими и многолюдными. Всюду возвышались терема – высокие, крепкие срубы с расписными наличниками, резными коньками. Некоторые были в два и даже три этажа!

Базар был огромным. Он начинался едва ли не у самых городских ворот. Столько лотков и прилавков Мила еще никогда и нигде не видела. Изобилие товаров было невероятным!

Зазывалы кричали:

– Свежий медок! Пряники с маком!

– Кожи яловые!

– Ножи булатные!

За порядком наблюдали вооруженные дружинники.

«И все же, добраться в город не напасть, лишь бы в городе не пропасть! Зачем тут дружинники с оружием? Очевидно, здесь много людей и много соблазнов. Нужно быть осторожной.»

С одной стороны улицы ремесленные дома работали на полную. Печи дымили, металл звенел. В воздухе стояли запахи сладковатой стружки, свежей глины, угольной гари, едких отваров для дубления кожи. С другой стороны – варили, жарили, пекли еду, хлеб, сладости. Кругом витали запахи сдобной выпечки, пряных трав, мяса.

«Как же захотелось есть!»

Город был ярким, цветным. Женщины носили алые, пурпурные, лазоревые сарафаны. У мужчин часто были зеленые, ярко-синие, фиолетовые кафтаны. В толпе мелькали желтые платки, расшитые золотом и камнями пояса.

Проехав базар и центральную улицу, повозка миновала каменный мост через реку и выехала в более спокойную часть города. Там было много жилых домов. И чем дальше от шумного базара, тем богаче и красивее были дома. Сладкие ароматы цветущей сирени и черемухи смешивались с восхитительными запахами цветов, которых Мила никогда не видела. Конский навоз с улицы убирал рабочий с хмурым лицом. Женщины тут улыбались, смеялись, ходили чистые, красиво одетые, с небольшими плетенными корзинками и вышитыми поясными сумками.

«И о чем я только думала? Бежать в городе, если никогда не была в нем – чистое безумие. Затеряться тут очень легко, но что делать после? Ох, не так уж не прав был Чуров. Надо было сразу деру давать, как в себя пришла, пока мы были еще в степях.»

Повозка проехала несколько улиц и остановилась. Чуров забрался к Миле в кузов, развязал ей руки и ноги.

– Не вздумай выкинуть что-нибудь! Это не корчма в степи, это город, – строго сказал Чуров.

Потом он наклонился и прошептал ей в самое ухо:

– Я средь бела дня в городе на виду у всех пальцем не пошевелю, даже если кто-то тебя силой возьмет в шаге от меня. Поняла?

Мила молча кивнула.

– Я не слышу, – требовательно повторил Чуров.

– Я все поняла, – сдавленно отозвалась Мила.

– Вот и умница.

Улыбка Чурова мелькнула устало и натянуто.

Он расплатился золотом с Присухой. Отпустил повозку. Потом взял Милу за локоть, не больно, но довольно крепко и чувствительно.

– Идем-ка, мы с тобой пройдемся-прогуляемся, заодно и поговорим.

Они вышли на узкую улочку. Высоченные темные заборы из бревен-исполинов смыкались где-то над головой, почти не пуская дневной свет. Воздух – густой и прохладный, пахнущий древесной смолой и землей. Под ногами – крупные, мшистые камни, уложенные давно и неровно. Гул города сюда почти не долетал. Ворота встречались редко, но и те – массивные и наглухо закрытые.

– Сегодня вечером ты увидишь Радима. Он старше тебя, ему двадцать пять. Вы будете хорошо смотреться вместе. Он хорош собой, не считая того, что не может ходить. Находясь рядом с ним, ты не будешь испытывать неловкости, как это обычно бывает рядом с калеками. Ты не будешь обременена уходом за ним, он достаточно богат и самостоятелен. Как я говорил, ты не поймешь, пока не увидишь. Об этом всем я волнуюсь меньше всего…

Чуров окинул Милолику оценивающим взглядом. Как будто даже сейчас, держа ее за локоть в городе, он все еще сомневался в своем решении.

Мила просто опустила грустные глаза. Безысходность давила ей на грудь и горло.

«Чуров точно больше не даст мне шанса на побег. Меньшим злом сейчас будет выждать. Но когда я переступлю порог дома Радима, будет ли у меня еще возможность? Что же делать? Как же правильно сейчас поступить?»

– Меня волнует, что ты расскажешь ему, – закончил свою фразу Чуров.

– Что же, по-твоему, я должна рассказать ему?

– Ты знаешь, Лика. Что ты сама согласилась поехать, потому что тебе девятнадцать, а замуж ты так и не вышла. Увидела в этом свой шанс устроить будущее.

– Но ведь это неправда!

«Людям вокруг нравится принижать меня?»

– Да, это неправда, – согласился Чуров со вздохом.

Он ускорил шаг, обошел Милу и встал с ней лицом к лицу.

– Мы с Радимом знакомы с двенадцати лет. Меня приставили к нему, как охранника. Благодаря одному возрасту и общим интересам мы быстро сдружились и чувствовали себя братьями. Когда нам было столько же, сколько тебе сейчас, мы ехали на юг через балку Молчаливых старцев, и на нас напали.

Он отвернулся в сторону, его голос стал тише и жестче.

– Ты видела меня в бою, но их было слишком много, целая шайка. Один зашел на меня со спины и… – Мила вдруг почувствовала, как Чуров весь съежился от нахлынувших воспоми-

наний, – и Радим подставил свою спину. Он получил тяжелую рану, кровь лилась из него потоками. Чудом ему удалось выжить, но нижнюю половину тела он не чувствует. И вот это правда.

– Выходит, он спас тебе жизнь. Но если ты так печешься о нем, почему тогда ты ездишь с торговцами, а не находишься рядом с ним?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.